

21 марта 1969 г., Апатиты.

Дорогая Сашуленька!

Сегодня получил твоё третье письмо в Апатиты. Я пока всё ещё вожусь с программой, очень медленно идёт отладка. Результатов поэтому никаких нет, но вроде бы задача скоро должна пойти.

На школу(1) почти не хожу, так как доклады пока идут в основном по космическим лучам. Зато проводим семинары своей компанией. Здесь собрался почти весь университет: Пудовкин, Зайцева, Распопов, Володя Барсуков, пудовкинские дипломанты. По вечерам часто усаживаемся за бутылкой. Вчера, например, пил водку в такой компании: Борис Евгеньевич с супругой, Козеловы, Барсуков, Ира Лизункова(2), Ляцкий и Тверской (знаешь его книжку "Динамика радиационных поясов Земли"?). А после этого всю ночь нас развлекали пудовкинские студенты: пели под гитару, травили анекдоты и показывали карточные фокусы(3). Вообще здесь не соскучишься, даже на хоккее времени не остаётся.

Б.Е. уже написал бумагу для университета насчёт меня, и эту бумагу должен подписать Исаев (директор ПГИ), который в принципе согласен, но должен ещё поговорить со мной и Б.Е. о деталях.

Сашуленька, ты спрашиваешь у меня о жилье. Это самый больной вопрос в ПГИ. На ближайшее время (т.е. в этом году) рассчитывать, конечно, не приходится. Строят медленно, а желающих очень много, большая очередь. Это единственный камень преткновения, который может помешать нашим планам. Во всех остальных отношениях ПГИ привлекает меня на 100 %. Идеальные условия для работы, много интересных людей, зарплата, большой отпуск - в общем, ты всё это сама знаешь. Ну, а то, что отталкивало меня раньше - климат, неважное снабжение, сейчас кажется несущественным. Даже природа Кольского полуострова начинает всё больше мне нравиться.

А когда я смогу закончить свои дела здесь - пока не ясно. Надежда на то, что к концу апреля, - есть, но не на сто процентов.

Нежно целую тебя, моя лапонька.

Твой Саша.

____1) Началась очередная зимняя космофизическая школа. Съехались почти все магнитосферщики.

____2) Славик в это время был явно неравнодушен к Лизунковой. Аллочка тогда была с детьми (Артур только родился) у своих родителей в Калининграде.

____3) По части анекдотов и фокусов имелся настоящий ас - Гена Гавриленко. Славик был им просто очарован, мне же он казался пустоватым парнем, хотя артистом неплохим.

____**25 марта 1969 г., Апатиты.**

____Дорогая моя Сашуленька!

____Получил твоё очередное, четвёртое письмо. Я очень рад, что не приходится волноваться по поводу писем от тебя.

____Лапонька, ты спрашиваешь о должности для меня в ПГИ. Об этом, конечно, речь ещё не идёт, но скорее всего - м.н.с. Характер работы - теоретические исследования.

____Потом тебя беспокоило появление статьи Джэкобса и Китамуры. Я эту статью знаю, и Б.Е. её тоже читал. Никакой "опасности" она, по-видимому, не представляет. Но я всё равно очень тронут твоим беспокойством.

____В работе моей пока никаких сдвигов, идёт отладка программы. На школе самое

интересное - внепрограммные семинары, на программные же доклады я почти не хожу. Готовлю доклад к первоапрельскому семинару: "Кольцевой ток как причина полярной бури" (в стиле "физики шутят").

— Сегодня вечером званый ужин у Брюнелли. Ляцкий принципиально не идёт, так как будет Распопов. Ну, а я не такой принципиальный и иду.

— Вот и все текущие новости.

— Нежно обнимаю и целую тебя, моя любимая.

— Твой Саша.

31 марта 1969 г., Апатиты.

— Дорогая Сашуленька!

— На некоторое время я оказался один в кабинете и пользуюсь случаем, чтобы написать тебе несколько строчек. Завтра последний день школы. Это обстоятельство вызывает у меня вздох облегчения. Дело в том, что когда собирается много знакомых людей из разных мест, неизбежны дружеские встречи в сопровождении спиртного. Так вот последнее время вся школа проходит в виде такого рода дружеской встречи. Например, вчера провёл вечер у Генриха Старкова в компании Пудовкина с Зайцевой, Хорошевой, супругов Лазутиных, Сухоиваненко, Ляцкого, Терехова, Лизунковой и супругов Старковых. Было очень весело и упились порядочно, причём великий (принципиальный) трезвенник Ляцкий не отставал от других, в результате чего сегодня утром он обнаружил, что оставил у Старковых пиджак и портфель. По ночам сплошные песни, стихи, фокусы, анекдоты и споры. Совсем как в былые времена в первой общаге. Но режим уже явно перешёл в стадию насыщения. Для меня это слишком утомительно, хочется спокойной обстановки.

— В счёте я никуда не продвинулся - заболела перфораторщица, а меня к аппарату не пускают. Завтра, в понедельник, однако, обещают сдвинуть мою задачу с мёртвой точки. Я докладывал здесь свою работу перед очень квалифицированной аудиторией (теоретики из группы Шабанского - Шустер, Алексеев, Кропоткин) и неожиданно получил очень высокую (завышенную, конечно) оценку, хотя разбирали они мою работу по косточкам.

— Увидел свою первую печатную работу на английском языке (в сборнике тезисов докладов Вашингтонской конференции - на одну страницу).

— Очень скучаю по тебе...

— Твой бородатый Саша.

— А, конечно, хорошо было бы, если бы наши сумели перебраться в Питер. Может, даст Бог?(1)

— 1) Это наша мама в очередной раз загорелась идеей обменять Севастополь на Ленинград или Сестрорецк. Но дальше её мечтаний дело не шло, и серьёзно мои родители обменом не пытались заниматься. Всякий раз главным становился вопрос - а как же дача в Крыму для детей и внуков?

О характере школы ясно из писем, но кое-какие подробности ещё стоит рассказать. Поселили всех участников школы в квартирах нового жилого дома, половина которого уже была сдана строителями, но не заселена, другая половина строилась. На время школы и я поселился там. Обычно же в Апатитах я жил в гостинице треста "Апатитстрой", под которую было отведено несколько жилых квартир в хрущёвской пятиэтажке.

Дом, в котором поселили "школьников", стоял на окраине новой части Апатит, вдали от яркого уличного освещения, так что прямо около него вечером и ночью легко было наблюдать полярные сияния (в ясную погоду, разумеется, которая тогда и стояла все дни).

Обычно вечером можно было видеть спокойные дуги, висящие сравнительно невысоко над северным горизонтом. Ближе к полуночи формировалась корона: сияние перемещалось в зенит и выглядело как снопики лучей прожекторов, расходящиеся в разные стороны. А как-то ночью, возвращаясь с гулянки у кого-то на квартире, я, наконец, увидел настоящее драпри - яркое сияние на полнеба, похожее на кольшующийся занавес.

— Очень эффектно выглядели и однажды увиденные мною искусственные бариевые облака, их выбрасывают из ракет, запускаемых с геофизического полигона в Кируне (Швеция), для измерения скорости ветра в ионосфере. Я увидел как в небе одна за другой вспыхнули четыре ослепительные точки. Это с одной ракеты последовательно выбрасывались четыре порции бария - две на подъёме, одна в вершине траектории, одна на спуске, которые расплывались в яркие фиолетовые шары размером примерно в две Луны, медленно перемещавшиеся по небу. Зрелище очень космически-фантастическое, ни на что не похожее, сразу мысли об НЛО появляются. Жёлтые натриевые облака я видел на значительно большем расстоянии, у горизонта. Они выглядели как неподвижно висящие осветительные ракеты.

— Участники школы, с которыми я чаще всего общался, почти все перечислены в письмах. В основном это всё были старые знакомые из ЛГУ и ПГИ. Не упомянут, пожалуй, только Серёжа Гриб, - аспирант Бориса Евгеньевича, окончивший матмех ЛГУ на год позже меня. Серёжа, сын профессора-математика, тоже не прочь был пофилософствовать, но о более высоких материях, чем Славик, об индуистской религии и философии, например. Из новых же встреч наибольшее впечатление произвело на меня знакомство с Игорем Максимовичем Подгорным. В геофизике он работал недавно, занимался в ИКИ лабораторными экспериментами по моделированию магнитосферы, в которых изучалось обтекание магнитного диполя потоком заряженных частиц, о чём и делал доклад на школе. А в физике плазмы вообще он был уже известная фигура, доктор наук, лауреат Ленинской премии. До ИКИ он работал у Арцимовича в Институте атомной энергии.

— Как-то Славик заманил его в нашу компанию, сидели в "Пирамиде", попивали коньячок, тогда ещё вполне доступный нам по своей цене. Подгорный - сухощавый, выше среднего роста, коротко стриженный, моложавый мужчина лет 40-45-ти с тонкими чертами лица, живыми глазами, нос с горбинкой, - охотно отвечал на любые вопросы, которые задавал ему Славик, большой любитель и специалист задавать вопросы.

— Из этого интервью мы узнали историю ухода Подгорного из ИАЭ. У Арцимовича Подгорный был как у Христа за пазухой, а когда Арцимович умер, в институте началась, как это часто бывает, возня вокруг кресел: одно место освободилось, и пошли передвижения, а с ними и всякие перестройки. Подгорный своим существованием, судя по всему, мешал кому-то куда-то продвинуться. И написали на него донос: якобы он чуть ли не служил немцам на оккупированной территории. Подгорный, действительно, в начале войны, будучи мальчишкой лет 12-ти, оказался на оккупированной немцами территории где-то в Молдавии, а с 14-ти лет воевал в партизанском отряде и имел за это медаль. Тем не менее донос сработал: Подгорного лишили допуска, а без него не пропускали в институт. С работы, однако, его не уволили, и зарплату он исправно получал. Целый год Подгорный пытался доказать, что он не верблюд, но безуспешно. Никто из влиятельных лиц в институте на его защиту не встал. В конце концов его довели до состояния, в котором он решил, что терять ему уже нечего, и начал в открытую поносить и первый отдел, и администрацию, и органы, и всю родную советскую власть. Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы не высокая международная репутация Подгорного как учёного, его награды и регалии. С позволения высшего начальства, побоявшегося, наверное, шума за границей (тем более, что Подгорный был лично знаком со многими крупными американскими учёными и запросто принимал их у себя дома), его взял к себе в ИКИ академик Петров. Не знаю, какие политические взгляды были у Подгорного до этой истории, но после происшедшего он явно озлобился против нашего строя и не пытался

даже этого скрывать. Нас его смелость, разумеется, восхищала.

— Славик расспрашивал Подгорного о Солженицыне, Сахарове, с которыми тот был знаком, правда, шапочно. Произведениями Солженицына Подгорный восхищался, Сахарова же, который в 1968 году открыто выступил в поддержку процесса демократизации в Чехословакии, считал поверхностным эклектиком, движимым комплексом вины. Перспективы нашего общества Подгорному виделись в мрачном свете.

— Если что у нас и произойдёт когда-нибудь, то только через какую-нибудь заваруху с казаками и черносотенцами, как всегда в России было.

— А интеллигенция? - спрашивал Славик.

— Какая у нас интеллигенция? Где она?

— Всё это было созвучно тому, что я слышал от старшего брата Славика - геолога Вадима, кандидата наук, внешне очень мягкого человека, совсем не похожего на Славу, Славик как-то познакомил меня с ним в Ленинграде.

— В эти дни как раз проходил очередной чемпионат мира по хоккею, он проводился в Чехословакии. На телевизионные трансляции матчей собирались почти все участники школы. Славик и Юра, разумеется, такими глупостями не занимались, презрительно относясь и к самим публичным спортивным соревнованиям (что не мешало, впрочем, им самим азартно сражаться в настольный теннис и в шахматы), и к страстям болельщиков вокруг них, видя во всём этом только средство отвлечения масс от мышления.

— А на фиг оно массам сдалось? Им отдохнуть после работы надо, - возражал я. - Да и, если угодно, без того же мышления никакой футбол-хоккей не обходится!

— Ага. Особенно после того, как пару раз по башке мячом или клюшкой заедут.

— В общем, тут мы со Славиком никогда не сходились, я оставался ярым спортивным болельщиком.

— Как всегда, наиболее упорными были матчи наших с чехами. А в этот раз ажиотаж достиг апогея в связи с чешскими событиями. Оба матча чехам наши проиграли, но всё равно стали чемпионами, так как чехи, в свою очередь, проиграли шведам, а шведы - нашим, и по соотношению шайб наши заняли первое место. В победных для чехов матчах с нашими на трибунах мелькали плакаты, написанные на русском языке: "Это вам не танками давить!" Подавляющее большинство публики, собиравшейся в конференц-зале ПГИ у телевизора, болело, разумеется, за наших. И только ребята из группы Подгорного да я с ними бурно болели за чехов, яростно аплодируя каждой заброшенной ими шайбе при понуром молчании остальных, раздражённо на нас поглядывавших.

— 1-го апреля в ПГИ проводился традиционный для физиков вообще шуточный первоапрельский семинар. Делались доклады, в которых под наукообразным видом подавалась какая-нибудь абракадабра. Выступал с таким докладом и я ("Кольцевой ток как причина полярной магнитной бури"). Резвились на этом семинаре в открытую, может, даже чересчур, в присутствии всего начальства. Задавал тон Подгорный. Он приставал к докладчикам с вопросами типа: "А как учтены в Вашем исследовании решения последнего съезда партии?", "А почему Вы на Маркса и Ленина не ссылаетесь, разве они это не предвидели?" Не отставал от него и я. Думаю, всё это тоже потом сказалось.

(продолжение следует)